

Irina Ratnikowa

Польские антропонимы в осмыслении о Белорусской и российской социальной реальности : (на материале СМИ на 1996-2001 гг.)

Acta Polono-Ruthenica 7, 247-258

2002

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Irina Ratnikowa
Państwowy Białoruski Uniwersytet w Mińsku

**Польские антропонимы в осмыслении
Белорусской и российской социальной реальности
(на материале СМИ за 1996–2001 гг.)**

Введение

Языковая практика новейшего периода (последние 10 лет) даёт богатый материал, иллюстрирующий различные трансформации языкового и экстралингвистического значения: метафоризацию и надстраивание смыслов (*обвал, наезд, раскрутка*), становление новых ключевых слов и символов лингвокультуры, ресимволизацию (*социализм, капитализм, Кремль, Москва, Запад*) и „перелицовку” символов, т.е. подновление внешнего знака (*капстраны – развитые страны, капиталистический мир – цивилизованный мир*) и др.¹ При этом той сферой существования литературного языка, в которой он максимально полно реализует и свои наличные формы, и свой потенциал, является массовая коммуникация. Именно в текстах масс медиа можно наблюдать основные процессы изменения, развития языка, а главное, взаимодействие между социальными явлениями и языковыми процессами. К числу последних относится широко распространённая семантизация имен собственных, понимаемая нами как двуединый процесс развития у онима переносного значения и интерпретации этого значения субъектом речи.

Естественно, нереперентное, или метафорическое, употребление ономастических единиц, развитие у них семантических приращений в тексте, превращение „недостаточных структур”², каковыми традиционно считаются онимы, в слова-понятия возможно благодаря их концептуализации в культурном контексте (реже – в системе национальной культуры или интеркультуры),

¹ См.: В. Н. Шапошников. *Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении*, Москва, МАЛП 1998, с. 229–232.

² А. А. Уфимцева. *Типы словесных знаков*, Москва. Наука 1974, с. 157.

становления их как „сгустков культуры” в сознании.³ Такие метафорические формулы, как *одесский Армстронг эпохи большого стиля* – о Леониде Утесове, *коллективный Брежнев* – о правительстве Примакова в период президентства Ельцина, *Гайдар сегодня* – о Германе Грефе, авторе новой экономической программы, *Билл Гейтс кинематографа* – о Джордже Лукасе, *теннисный Ди Каприо* – о Марате Сафине, *Пикуль животиси* – об Илье Глазунове, *Рикки Мартин от политики* – о племяннике президента Буша как любимце латиноамериканской молодежи, *потенциальный местный Зюганов* – о лидере белорусских коммунистов Калякине – свидетельствуют, что оценка субъекта-первоносителя имени в социуме (или некоем сообществе внутри социума) состоялась, что ассоциации, вызываемые данным онимом, приобрели узуальный характер, а инвариант его восприятия вошел в когнитивную базу носителей языка.

Объект нашего исследования составляют метафоры, релятами (вспомогательными компонентами) которых являются современные польские антропонимы (*белорусский Ярузельский, белорусский Гедройц, новый Вайда, наш доморощенный Валенса* и под.). Цель данного доклада – представить антропонимические метафоры как инструмент познания и описания социальных процессов. В ходе когнитивного освоения изменяющейся реальности складываются такие комбинации смыслов, которые не имеют на уровне языка специализированных форм выражения. Понятийные лакуны заполняются ситуативными концептами, сформированными, в частности, на основе энциклопедической информации того или иного прецедентного антропонима. Например: *В той же самой Польше все перемены проходили под флагом польского духовного возрождения. Та Польша, о которой писал Генрик Сенкевич, заставила поляков пройти свой путь до конца. А у нас? Разве у нас нет своего Сенкевича?* (Свободные новости, 2001, № 20). В данной метафоре объективируется понятие о духовном лидере национального возрождения. Ср. также: *Только развивая систему кинообразования, мы можем ожидать появления собственного Вайды или Занусси* (Белорусская газета, 1999, 8 марта). Здесь атропонимы *Вайда* и *Занусси* являются языковым воплощением

³ Ю. С. Степанов, *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*, Москва. Языки русской культуры 1997, с. 40.

идей о режиссере мирового класса, отражающем в своем творчестве национальные культурные традиции.

Историко-культурный контекст и метафорический потенциал антропонимов

Использование имен собственных в метафорическом значении – это характерный показатель степени освоения фактов той или иной национальной культуры. В ряду средств вторичной номинации в белорусской и российской прессе особое место занимают польские, литовские и латышские антропонимы: восточная Европа и страны Балтии актуальны для постсоветского культурного пространства как пример успешного (или относительно успешного) решения политико-экономических проблем, связанных с преодолением порочного наследия социалистического государственного устройства. Стимулом для использования антропонимических метафор часто является социальный заказ, необходимость установить значимость того или иного общественного деятеля, введя его в более или менее широкий исторический контекст. Для Беларуси такой контекст составляют в первую очередь Польша и Литва – в силу как территориальной близости этих государств, так и глубокой исторической близости со времен союза Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Более того, прозападно ориентированной части белорусской интеллигенции всегда было свойственно переоценивать значение психокультурной общности наших народов, что явилось, по мнению Светланы Алексиевич, одной из причин поражения Народного Фронта: *„Мы рамантычна прыдумалі сабе дзяржаву і народ. Палічылі сябе ці то Прыбалтыкай, ці то Польшчай, а мы – нешта зусім іншае”* (Наша ніва, 1999, 29 сакавіка).

Существует связь между метафорическим потенциалом слова и социальной значимостью его денотата. Предмет, вызывающий в данном социуме особый интерес, становится источником аналогий при описании других предметов и соответственно „центром метафорной экспансии”.⁴ По мере того как индивид приобретает статус социально значимого субъекта, имеющего определенную

⁴ С. Ульман. *Семантические универсалии*, [в:] *Новое в лингвистике*. Вып. 5, Москва. Наука 1970, с. 276.

информационно-ценностную окраску, он самим фактом своего присутствия в социуме создает поле метафорических возможностей и метафорических ожиданий. Наибольший метафорический потенциал в белорусской и российской прессе обнаруживают антропонимы *Квасъневский, Валенса, Бальцерович, Ярузельский*. Причем в России, где коммунистическая партия имеет существенный политический вес, продуктивна метафорическая модель *российский Квасъневский*, в Беларуси же „метафорную экспансию” обнаруживают антропонимы *Валенса* и *Бальцерович*, концептуализирующиеся соответственно как „харизматический лидер профсоюзного движения” и „выдающийся реформатор экономики, экономический „могильщик социализма””.

Антропонимическая метафора как процесс смыслопроизводства

Суть метафоры как особой технологии смыслопроизводства состоит, по Максу Блэку, во взаимодействии представлений о двух субъектах, или сущностях, – основной (primary subject) и вспомогательной (subsidiary subject): к первой прилагается система „ассоциируемых импликаций”, связанная со второй.⁵ Таким образом, вспомогательный компонент задает способ языкового представления основного, помогая переосмыслить старое понятие или домыслить новое и тем самым „покрыть лауну в словаре буквальных наименований”.⁶

Среди актантов метафорического процесса, описанных В. Н. Телия, приоритет во временном плане принадлежит замыслу и цели. Под замыслом при этом понимается „интенция субъекта назвать осознаваемое, но еще «недодуманное» им понятие (или новую вещь) путем использования уже вербализованного понятия”.⁷ Цель (целеполагающая установка говорящего) метафоры связана с программированием субъектом речи функции метафоры: „цель может ограничить замысел нахождением удачного имени” или

⁵ М. Блэк *Метафора*, [в:] *Теория метафоры: Сборник*, Москва, Прогресс 1990, с. 167.

⁶ Ibidem. с. 159.

⁷ В. Н. Телия. *Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция*, [в:] *Метафора в языке и тексте*, Москва, Наука 1988, с. 37.

„может связывать замысел с гносеологической функцией формирования нового понятия”⁸.

Целью антропонимической метафоры практически всегда является оценочная номинация (или предикация) с определенной стилистической задачей (мелиоративной, пейоративной, инвективной и т.д.). Во многих случаях эта цель в рамках антропонимической метафоры предполагает также лексикализацию понятия, формирующегося в процессе осмысления и оценки реальности. Рассмотрим, как это происходит, на примере нескольких антропонимических метафор, актуальных для современной белорусской и российской прессы.

Лешек Бальцерович – „могильщик” социализма. Общественное восприятие социальных явлений и политики в частности на постсоветском пространстве весьма персонифицировано. Те или иные тенденции в общественной жизни неизменно связываются в массовом сознании с конкретными личностями – политическими лидерами и нередко оцениваются через призму этих личностей. Имя выдающегося польского экономиста и политика Лешака Бальцеровича широко известно в Беларуси и персонифицирует для нас успех польских реформ. После распада СССР общественная мысль в Беларуси была сосредоточена, в частности, на разработке проектов экономического преобразования. В процессе этого формировался и концепт лидера-реформатора, ответственного индивидуума, который может сыграть решающую роль в период „чрезвычайной политики” (т.е. в период реформ). Формирующееся предварительное знание о таком индивидууме, соответствующем экономическим задачам текущего момента, задавало ассоциации с лидером типа „могильщик социализма”, „прораб перестройки”, который, приняв на себя всю полноту ответственности за будущее экономики и общества в целом, не боясь „непопулярных” решений, способен вывести страну из кризиса. Закономерно, что в качестве слова-донора, фильтрующего это „новое” знание о лидере, которого ждет Беларусь, выступил антропоним *Бальцерович: Ці дачакаемся свайго Лешака Бальцэровіча?* (Навіны, 1999, 19 студзеня); *Он мог бы претендовать на роль белорусского Бальцеровича* – об идеологе „белорусского экономического чуда” Эдуарде Эйдине (Белорусская

⁸ Ibidem. с. 38.

газета, 1999, 7 июня); *Шокавая тэратыя сама на сабе нічога не гарантуе. Патрэбны свой Бальцэровіч* (Навіны, 1999, 26 сакавіка). В процессе интеракции компонентов метафоры оформилось значение, которое, на наш взгляд, можно объективировать так: „автор и «архитектор» экономической реформы, профессиональный политик и экономист, успешный реформатор”. В подобном акте метафоры, как видим, происходит не только синтезирование нового смысла и его лексикализация (что имеет место и при апеллятивной метафоре), но и оформление ономастического концепта, обретение им языковой реальности. Кстати, на основе импликаций „проведение нового экономического курса”, „преодоление последствий экономического кризиса” в ассоциативном комплексе концепта *Бальцэровіч* последний синонимизируется в прессе с концептом *Рузвельт: Россия ждет своего Рузвельта* (Общая газета, 1998, № 4); *Дождемся ли пришествия белорусского Рузвельта?* (Белорусская деловая газета, 1996, 25 апреля).

Как замечает В. Н. Телия, „процесс метафоризации – это всегда проблемная когнитивно-номинативная ситуация со многими переменными факторами”.⁹ Значение метафоры всегда производно от макро- и микроконтекста, или, по М. Блэку, рамки (frame).¹⁰ Одна и та же вспомогательная сущность, погруженная в разные предметные области, порождает разные смыслы. В контексте анализа состояния белорусской культуры антропоним *Бальцэровіч* в большей степени подвергается редукции смысловых признаков (отсекаются признаки, связанные с принадлежностью к определенной предметной сфере – экономической) и соответственно приобретает более широкий смысл, нежели в контексте экономической аналитики. Так, в статье Алеся Аркуша *Беларуская культура чакае свайго Бальцэровіча* (Наша ніва, 2000, 21 жніўня) ключевой является метафора *інфляцыя*, характеризующая кризис белорусской культуры, обесценивание произведений культуры в глазах ее потребителя, утрату авторитета в обществе: *Беларуская культура і ў тым ліку літаратура перажылі апошнімі гадамі інфляцыю, нават гіперінфляцыю. Ужываю эканамічны тэрмін, бо... ён стаўся пэўным знакам (таўром) нашага часу... Справа ня ў колькасці выдаваных кніг. Ня ўсё ацэньваецца грашыма. Справа ў страце*

⁹ Ibidem. с. 34.

¹⁰ М. Блэк. op. cit., с. 156.

грамадзкай навагі. В ассоциативный комплекс, связанный с понятием „инфляция”, входит понятие шоковой терапии как эффективного метода борьбы с инфляцией. Применение шоковой терапии в экономике как раз является одной из существенных составляющих ономастического концепта *Бальцерович*, сформированного масс медиа: успех посткоммунистических реформ в Польше связывается в нашем сознании прежде всего с радикальным характером экономических преобразований. Данная цепочка ассоциаций и определяет выбор вспомогательного компонента метафоры для „додумывания” и оформления понятия о возможном мессии, спасителе белорусской культуры.

По характеру основного компонента ономастические метафоры можно разделить на две группы. В метафорах первой модели (представляющих собой утверждение тождества или аппозитивное сочетание) основной компонент эксплицирован, соответственно они обладают четко определенной референцией: *Для польскай культуры Ежы Гедройц быў Адымам Міцкевічам ХХ ст. Надаў ёй сэнс і акрэсліў шлях* (Наша ніва, 2000, 25 верасня). Метафоры второй модели с имплицитным основным компонентом имеют соответственно „расплывчатую” референцию: *Поговаривали даже, что в эмиграции Некляев попытается стать белорусским Гедройцем* (Свободные новости, 2001, № 20) – о возможности издания в Варшаве независимого белорусского журнала. Примечательно, что метафора *Бальцерович* всегда реализует вторую модель: нами, во всяком случае, не отмечены метафоры с этим вспомогательным компонентом, которые бы строились на базе сравнения конкретных личностей. Одним из объяснений этому может служить отсутствие в современной Беларуси лидера, конгениального Л. Бальцеровичу: потенциальные в интеллектуальном плане лидеры лишены возможности реализовать себя на политическом поле. Таким образом, заданная масштабом личности Л. Бальцеровича и его исторической ролью социальная ниша пока не заполнена.

Лех Валенса – „народный заступник”. Фигура лидера некогда мощного профсоюзного объединения „Солидарность” и бывшего президента, выигравшего первые в Польше демократические выборы, Леха Валенсы была очень популярна в Беларуси в середине 90-х (т.е. во времена президентских выборов и первые годы президентского правления Александра Лукашенко). Метафора

Валенса также реализовала преимущественно ту структурно-семантическую модель, в которой основной компонент словесно не выражен, однако устойчиво ассоциировалась с фигурой Первого Президента РБ как обозначение его потенциальных возможностей и связанных с ним общественных ожиданий. Ср.: *Перед глазами был пример Польши – Валенса. Помните параллель?. Будет ли в Беларуси свой Валенса? Всем казалось, что Лукашенко – это как раз то, что надо* (Свободные новости, 2000, № 19). Члены команды А. Лукашенко 1994 г. позже мотивировали свои симпатии к нему, апеллируя к образу Валенсы: *Лукашенко имел шансы претендовать на роль белорусского Валенсы, который сперва пройдет катком по коммунистам, а затем запустит в стране реальные рыночные реформы* (Белорусская газета, 2000, 2 мая). Нами отмечена также метафора с основным компонентом – антропонимом *Лукашенко*, в основе которой лежит сравнение: *Мы палічылі, што Лукашэнка – гэта такі Валенса мясцовага ўзору* (Свабода, 1997, 21 кастрычніка). Основанием для этой метафоры явилась общность некоторых составляющих антропонимических концептов *Лукашенко* и *Валенса*, а именно: „харизматический лидер”, „политик-популист, воплощающий ключевые ценности простого человека”.

В белорусском и российском культурном пространстве Лех Валенса стал прототипом эффективного профсоюзного лидера. Соответственно в концепте *Валенса* особенно актуален блок смыслов, которые можно объективировать так: „энергичный лидер массовой оппозиции, сумевший объединить силы, противостоящие системе, и заставивший власти пойти на уступки”. Естественно, что для „оязыковления” формирующейся идеи о сильном лидере независимых профсоюзов в Беларуси используется эта антропонимическая метафора. Ср. фрагмент интервью с председателем Ассоциации независимых профсоюзов Беларуси: *Когда мы узнаем имя белорусского Валенсы? – Белорусского Валенсы не будет. Каждое время выдвигает своих героев* (Белорусская деловая газета, 1998, 16 июля). В данном случае смысловой фон задает прочтение метафоры *Валенса* как „лидер, прошедший путь от профсоюзного деятеля до президента страны”. Этот феномен действительно не может быть реализован в Беларуси из-за отсутствия сильного профсоюзного движения.

Цель метафоры *Валенса* может ограничиваться эмоциональной оценкой. Подобным образом иронически оценивается деятельность

лидера российских профсоюзов, сотрудничающего с властями: *Михаил Шмаков, этот наш российский Валенса, не видит смысла ссориться с Кремлем* (Московские новости, 2000, № 34). В приведенном контексте происходит отрицание смыслов „опозиционность”, „энергичное противостояние власти” – данные признаки антропонимического концепта *Валенса* заведомо не могут быть приписаны основному компоненту метафоры, что и порождает иронию как идейно-эмоциональную оценку и как стилистический эффект.

Редукция одних смысловых признаков и фокусировка других порождает окказиональные синонимические отношения между антропонимическими концептами. Так, антропонимы *Валенса* и *Гавел* синонимизируются благодаря актуализации признаков „лидер оппозиции, ставший первым посткоммунистическим президентом”, „тот, кто обеспечил политические предпосылки экономических реформ”: *Не в том проблема, что в Беларуси нет своих Клаусов и Бальцеровичей, а в том, что не предвидится появления своего Гавела или Валенсы, который обеспечит политические условия, когда реформы вообще будут возможны* (Кур’ер, 2000, № 3).

Александр Квасьневский как образец „хорошего коммуниста”. На постсоветском пространстве образ молодого популярного президента Польши в массовом сознании тесно связан с образами трех выдающихся представителей „новой волны” в большой политике – Биллом Клинтонем, Тони Блэром и Герхардом Шредером. Квасьневский так же энергичен, коммуникабелен, рационален, обнаруживает отличные ораторские способности и хорошо владеет экономической и социологической терминологией. Не случайны сравнения его с духовным лидером политики „новой волны” Биллом Клинтонем и метафора *польский Клинтон* (Навіны, 1998, 13 лістапада). Как уже упоминалось, в качестве лингвокультурного трафарета для оценки политических лидеров антропонимический концепт *Квасьневский* актуален именно в России, поскольку там компартия продолжает претендовать на политическое влияние и даже демонстрирует готовность к внутреннему развитию в соответствии с новыми историческими условиями. Ядро концепта *Квасьневский* составляют смысловые признаки „политик левой направленности, исповедующий демократические ценности”, „образец успешной трансформации коммуниста в демократа”. Поэтому метафора *Квасьневский*

помогает объективировать идею о саморазвитии коммунистического лидера в соответствии с политическими задачами текущего момента: *Просвещенный социалист Г. Н. Селезнев, давно домогающийся звания российского Квасъневского, то есть бывшего коммуниста, отполированного до полной неузнаваемости, вдруг продемонстрировал полную узнаваемость ветхого Адама* (Известия, 2000, 9 декабря). Ср. также: *Зюганов не освоил и не мог освоить роли российского Квасъневского* (Известия, 1998, 1 декабря). Далее автор последней из цитируемых статей замечает, что *российский Квасъневский „гораздо больше похож на Немцова или Кириенко”, т.е. смысловой признак „изначальная принадлежность к коммунистической партии” в концепте Квасъневский для российского сознания становится периферийным.*

В Беларуси концепт *Квасъневский* менее актуален, по крайней мере мы не отметили случаев его метафорического использования для оценки белорусской действительности. Метафора *Квасъневский* употребляется только как цитата – например при оценке молодого премьер-министра Словакии Роберта Фика: *Адныя бачаць у Фіка славацкага Гаідэра, небяспечнага напуліста, што для палітычных дывідэндаў гатовы будзіць дэманаў найгоршых інстынктаў грамадства, іншыя ж клічуць яго славіцкім Квасънеўскім, што зможэ зўрапеізаваць непрыхільныя да дэмакратыі сілы грамадства* (Наша шіва, 2000, 11 верасня).

Войцех Ярузельский как символ „тяжелых времен”. Генерал Ярузельский, который принял власть в ситуации распада коммунистического режима, персонифицирует для белорусов политический диктат и стратегию тотального регулирования в экономике. В систему ассоциативных связей концепта *Ярузельский* включаются такие признаки, как „государственная монополия в области производства и торговли”, „ограничения частной инициативы”, „рост цен”, „преследование инакомыслия” и др. На основе этих ассоциаций возникла метафора *часы Ярузэльскага ў Беларусі* (Наша ніва, 2000, 5 кастрычніка) – по поводу резкого роста коммунальных платежей и неполучения кредитов Международного валютного фонда.

В основу метафорического значения могут быть положены и периферийные признаки концепта. Ср.: *Лукашэнка можа стаць Ярузэльскім, а Пазыняк – прадстаўніком за мяжой* (Наша ніва, 2000, 23 жніўня). В данном контексте фокусируется смысловой

признак „получение статуса неприкосновенности после ухода с поста”.

Заключение

Итак, мы проследили, как на базе прецедентных антропонимов синтезируются различные метафорические понятия. Стадии этого процесса можно представить следующим образом:

1) не обладая языковым значением, естественные антропонимы прецедентных личностей накапливают богатый лексический фон, т.е. энциклопедическую информацию, связанную с референтами-первоносителями имени;

2) попадая в сферу масс медиа, антропонимы развивают несвойственную им изначально концептуальность („Массовая коммуникация придает тем или иным словам функцию концепта именно в силу массовости коммуникации”¹¹), т.е. отражаются в сознании в виде единичных понятий и связанных с ними устойчивых комплексов ассоциаций;

3) антропонимические концепты как отражение в сознании основных свойств прецедентных личностей и связанных с ними внешних обстоятельств приобретают статус социальных мифологем и начинают воздействовать на сознание, задавая определенный способ восприятия и оценки изменяющейся реальности, т.е. превращаются в своеобразные лингвокультурные трафареты;

4) выступая как смысловой фильтр при формировании новых понятий в процессе познания мира, антропонимические концепты превращаются в **языковые феномены**, их смысл „вращается” в смысл высказывания – антропонимическая метафора становится способом „оязыковлениа” культурной семантики.

Таким образом, прецедентные антропонимы демонстрируют способность служить лингвокультурными фильтрами при когнитивной обработке новых объектов социальной реальности или новой информации об известных объектах. Эта их способность реализуется через метафору. В метафоризации антропонима очень ярко проявляется механизм взаимодействия культурных (когнитивных) и языковых сущностей, превращение энциклопеди-

¹¹ В. М. Березин. *Мифы и концепты в языке массовой коммуникации*, [в:] *Язык и социум*. Материалы IV Междунар. науч. конф., 1–2 дек. 2000 г., Минск. В двух частях, Минск, БГУ 2001, ч. 1, с. 7.

ческих знаний в языковое значение, культурных сем в понятийные.¹² Антропонимическая метафора – эффективный инструмент логической и эмоциональной оценки и, с другой стороны, исключительно емкое и оперативное средство трансляции этой оценки.

¹² Подробнее об этом см.: И. Э. Ратникова, *Антиномия узуса и возможностей языка в ономастической семантике*, Минск, Белгосуниверситет 1999, 24 с.; И. Э. Ратникова, *Антропонимы в образном представлении мира*, [в:] *Чтения, посвященные памяти П. П. Шубы (к 75-летию со дня рождения)*. Сб. науч. статей. Минск, БГУ 2001, с. 86–95.